

Елена Ленишева

Голоса живых

Пунктирный обзор современной белорусской литературы

Литература — взгляд сквозь толщу «-измов», политических и идеологических.

Литература — метапозиция, «видение-отражение» человека и мира, вопреки топовым идеям и смыслам.

Литература — это всегда нечто большее, чем сиюминутное фото.

Фиксируя остросоциальный момент, она вносит его в альбом вечности (национальной истории, мировой культуры) как память о своем поколении, свидетельство о том, что мы — жили.

Можно по-разному относиться к лозунгу «Жыве Беларусь!», сопровождающему политические протесты в Минске и других крупных городах в течение полугода, но невозможно не заметить, что он отражает подъем национального самосознания. Подъем этот массовый, хотя долгое время считалось, что белорусская идея — прерогатива «свядомай» (т.е. сознательно ориентированной на национально-культурные ценности) интеллигенции.

И это абсолютно справедливо. Как пишет известный культуролог Юлия Чернявская, в Беларуси исторически сложилась ситуация, неведомая ни русской, ни польской культуре: «Пути народных масс и шляхетской интеллигенции настолько разошлись, что можно без преувеличения говорить не только о разных типах самоидентификации, но даже и о разных типах менталитета — полонизированного шляхетского и белорусского “крестьянского”»¹. Отсюда — стратификация культуры: остов аутентичного, национального бытия (традиции, фольклор и что особенно важно — белорусский язык, официально получивший легитимный статус только в 1991 году) на протяжении столетий сохранялся в «низах» социума — «сялян» и «шляхты засцянкавай», в среде которой и возникли первые произведения на «местном наречии»², тогда как идея национально-культурного возрождения была выдвинута

Елена Ленишева — литературный и театральный критик, литературовед. Родилась в 1983 году в Минске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филфака БГУ. Живет в Минске.

¹ Чернявская Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов // ИНДЕКС: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>.

² «Шляхта засцянкава» (пол. *szlachta zaściankowa*, околичная шляхта) — дословно непере译имый на русский язык феномен, особая категория шляхтичей, которые исконно жили в обособленных поселениях Речи Посполитой, а после ее присоединения к Российской империи и указа Николая I о необходимости подтвердить свое происхождение документально (невыполнимого в силу отсутствия в Речи Посполитой подобного делопроизводства) были почти полностью исключены из дворян и переведены в сословие крестьян-однодворцев. При этом выходцы из этого сословия Ян Чечет, В.Сырокомля, В.Дунин-Марцинкевич и другие писатели первой половины XIX века не называли язык своих произведений белорусским, но идентифицировали его как язык своего этноса, отличный, например, от польского, русского.

представителями «верха» — носителями зарубежной (прежде всего польской) культуры. Более того, она противоречила белорусской национальной ментальности, в основе которой — прагматизм, «хозяйственная ответственность за жизнь будущих поколений на родной земле» (А.Рагуля).

Исходя от этого, становится понятен пафос современной белорусской литературы, нацеленной на социокультурные (неотделимые от политических) преобразования, на сохранение связи с национальными истоками, идущими вразрез с идеологически ангажированным мифом о «Белоруссии советской» с ее космополитизмом, педализацией вертикали власти, винтажной советизацией быта, массмедиа, официальной культуры. В этом смысле обращение писателей к белорусскому языку становится не столько творческим, сколько идейно-философским выбором, попыткой сопротивления государственной машине.

Облик отечественной литературы во многом и определяет столкновение с левиафаном, «внешним» и «внутренним». Левиафан «внешний» — это попытка минкульты адаптировать литературу к задачам госидеологии, нашедшая отражение в произведениях исторической и патриотической тематики, активно создававшихся в обмен на субсидии, высокие тиражи, поддержку кинопроектов, спектаклей. После выборов-2020, реакцией на которые стало в том числе и культпротестное движение, кардинально изменились формы «адаптации», обретшей черты репрессий, которым подвергаются представители негосударственных СМИ, деятели культуры, науки и искусства.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить российских коллег, проявивших солидарность в связи с упомянутыми событиями. Так, в августе 2020 года Владимир Коркунов организовал поэтический марафон #поэтыбеларуси на портале «Полутона» (<https://www.facebook.com/groups/polutona/>), по итогам которого готовится антология; Анна Голубкова и Татьяна Бонч-Осмоловская провели онлайн-акцию «Белорусские чтения» после ареста Дмитрия Строщева (см. запись на YouTube: <https://www.youtube.com/watch?v=LIOVm1jw7Zk>). Площадками для обсуждения белорусской литературы становятся ведущие российские журналы и интернет-порталы, в числе которых «Дружба народов», ГодЛитературы, Textura, «Цирк Олимп + TV» etc.

В то же время нельзя не упомянуть о левиафане «внутреннем» — имманентных законах развития литературы, возникшей в условиях «пограничья» (геополитического, конфессионального, культурного). Положение на перекрестке влияний России и Западной Европы предопределило облик белорусской литературы, ее «внутреннюю» драму и непростую судьбу, о чем много писали историки (В.Орлов), философы (В.Акудович, И.Бобков, А.Антипенко), культурологи (Ю.Чернявская, И.Дубенецкая), литературоведы (Л.Синькова, Ж.Некрашевич-Короткая, У.Верина).

Ситуация «пограничья» накладывает отпечаток и на развитие современной белорусской литературы. В постсоветские годы в Беларуси существует официальное, но не фактическое двуязычие (большинство населения говорит по-русски), что приводит к «неустойчивости литературного поля» (Л.Синькова), конфликту писательских поколений, ориентированных, как правило, на разные традиции.

Но именно с начала 1990-х в белорусской литературе происходит креативный взрыв, который философ, культуролог Валентин Акудович и литературовед Анна Кислицына называют «новой литературной ситуацией». Она связана с ростом национального самосознания, возникновением литературно-художественных объединений «Здешние» («Тутэйшыя»), «Товарищество Свободных Литераторов» («Таварыства Вольных Літаратараў»), «Бум-Бам-Літ», «деиерархизацией, деканонизацией, деверсификацией, жанровым синкретизмом, а также прогрессивной динамикой стилового разнообразия в литературе»¹.

¹ Кісліцына Г.М. Новая літаратурная сітуацыя: змена літаратурнай парадыгмы: дыс. д-ра філал. навук. — Мінск, 2015. См. лекции ученого на сайте Белорусского Коллегиума: <https://belcollegium.by/ganna-kislicyna-novaya-litaraturnaya-situacyya-lekcyi-4-6/>.

Очевидны два сегмента литературы — белорусско- и русскоязычный. Для меня, как и для многих исследователей драматургии (С.Гончарова-Грабовская), поэзии (Т.Алешка, У.Верина), прозы (И.Скоропанова, Л.Синькова, Е.Крикливец), это части единого литературного процесса.

Это не значит, что между ними нет различий. Напротив, ориентиры на разные литературные традиции (классическую отечественную начала XX века и западноевропейскую, с одной стороны, и на русскую, с другой), по-разному выраженный национально-культурный компонент, не говоря уже о выборе языка, важны для понимания специфики авторских индивидуальностей.

Семь авторов, приведенных в обзоре, — это семь направлений творческих поисков, знаковых для современной белорусской литературы. Выбор был сложен, поскольку орбита литературной жизни вбирает в себя все новые и новые имена, каждое из которых раскрывает определенную грань в понимании мира и человека.

И все же существует единство: острая постановка проблемы «человек и тоталитарный социум», нац-арт, приоритет реализма и модернизма в самых неожиданных сочетаниях и модификациях. Их аккумулирует поиск устойчивости и «внутренней» свободы в мире искаженном и перевернутом, с его запретами на спонтанное, нелегитимное творческое самоизъявление, в том числе национальное.

Алесь Рязанов

Белорусский поэт, писатель, переводчик, известный смелыми экспериментами в области поэтических форм. Родился в 1947 году в деревне Селец (Брестская область Беларуси). Впервые выступил в печати в 1961-м. На волне студенческих волнений в связи с событиями Пражской весны 1968-го вместе с несколькими сотнями учащихся филфака БГУ подписал открытое письмо в защиту белорусского языка, после чего был взят на контроль КГБ, а впоследствии исключен из университета.

Творчество Алесья Рязанова красноречиво иллюстрирует неожиданный для зарубежного читателя тезис: белорусская литература вышла за рамки крестьянско-патриотической тематики и реалистической парадигмы (традиционно ей приписываемых) задолго до 1990-х с их эпатажем и эстетическим плюрализмом. Более того, по мнению ряда исследователей (А.Кабаковича, М.Тычины, А.Кислицыной, Е.Леоновой, У.Вериной, А.Ивашенко и др.), благодаря Алесью Рязанову она достигла европейского уровня.

На сегодняшний день издано около трех десятков его книг, в их числе «Возрождение» («Адраджэнне», 1970), «Навсегда» («Назаўжды», 1974), «Путь-360» («Шлях-360», 1981), «Остриё стрелы» («Вастрёе стралы», 1988), «В городе правит Рогволод» («У горадзе валадарыць Рагвалод», 1992), «Охота в райской долине» («Паляванне ў райскай даліне», 1998), «Действительность» («Рэчаіснасць», 1998), «Танец с ужами» («Танец з вужакамі», 1999), «Глина. Камень. Железо» («Гліна. Камень. Жалеза», 2000), «Вершасловы» («Wortdichte», написана на немецком, 2003), «Пчела начала паломничать: вершаказы» («Пчала пачала паломнічаць: вершаказы», 2009), «И потом заново начать: квантэмы, злёсы, стихи» («І потым нанова пачаць: квантэмы, злёсы, вершы», 2011), «Стихи» («Вершы», 2014). Стихи Алесья Рязанова переведены более чем на 50 языков мира. В свою очередь Рязанов переводит с литовского, латышского, грузинского, болгарского, английского и других языков.

Его непрекращающиеся творческие поиски уже не одно десятилетие вызывают активную полемику, провоцируют резкие перепады амплитуды восприятия: от восхищения до жесткого неприятия. Авторскую стратегию отличают интеллектуальная насыщенность, философичность, обращение к метареальности с ее «непрерывностью «внутренних» переходов и взаимопревращений»¹, «противопоставление двух

¹ Кісліцына Г. Алесь Рязануў: праблемы мастацкай свядомасці. — Мінск, 1997. — С. 10.

магистральных текстообразующих принципов» — «медитативного (проявляется прежде всего в пунктирах и квантемах) и умственно-рационалистического (в версетах, вершасказах, зномах)»¹, тяготение к малым формам, жанрово-стилевые инновации, аккумулирующие опыт отечественной медитативной лирики (Я.Купала, М.Богданович) и мировой литературы (Гомер, Р.-М.Рильке, французский сюрреализм, японские хокку, американские поэты-битники и др.).

Рязанов стал основателем ряда новых для белорусской поэзии форм. Некоторые из них имеют аналоги в мировой литературе, например, *версеты* — инварианты белых стихов, близкие к притчам. Это написанные прозой небольшие лирические произведения, своей образностью, повышенной эмоциональностью, ритмичностью принадлежащие к поэзии, а лаконичностью философского высказывания о мире и человеке — к прозе. В белорусской литературе версет возник в начале XX века («Думкі ў дарозе» Я.Коласа), но не утвердился, тогда как в мировой — получил широкое распространение в течение последних трех столетий (уже в эпоху барокко сформировались национальные традиции жанра в Италии, Австрии, Германии, Франции etc.). Стихи сосредоточены на онтологических проблемах, соединяют художественную условность (например, хронотоп предстает как бесконечность, время исчезновения или экстатических состояний — преобразования, озарения) и реалистический взгляд на мир.

Ланцуг

На панадворку сабакі: на ланцугу.

Яны адважныя — дакуль дазваляе ланцуг,
куслівыя — дакуль дазваляе ланцуг,
брахлівыя — дакуль дазваляе ланцуг,
і злуюцца яны на ланцуг таксама — дакуль
дазваляе ланцуг.

Наводдалі, вакол іх, блукаюць
ваўчыныя зграі.
Яны прынюхваюцца да сабак, прыслухоўваюцца да сабак,
але бліжэй усё роўна не падступаюць:
не дазваляе ланцуг.

Цепь

Во дворе у дома — собаки; они на цепи.

Они и храбры — сколько позволяет им цепь,
и кусачи — насколько позволяет им цепь,
и брехливы — поскольку позволяет им цепь,
и рычат они на цепь, но не больше, чем
позволяет им цепь.

Поодаль шастает
стая волков.

Волки прислушиваются к собакам,
принюхиваются к собакам,
но ближе всё-таки не подходят:
не позволяет цепь.

(Перевод В.Козаровецкого)²

¹ *Іваічанка А. Паэтыка Алеся Рязанова: між медытацый і рацыяй*. — Мінск, 2008. — С. 6.

² См. переводы стихотворений А. Рязанова на русский язык Владимира Козаровецкого: <http://indbooks.in/mirror2.ru/?p=494035>.

Или же *пунктиры* — поэтические миниатюры (4—6 строк), немного напоминающие японские хокку. Вместе с тем это первая и самая устойчивая в жанровой палитре Рязанова экспериментальная форма (начиная с 1966 года, в сборнике «Назаўжды» (1974), кроме классических стихотворений и поэм, представлены 90 пунктиров, а в 2002 году в Германии выходит книга «Гановерскія пункціры»). Одни — имеют ритмическую доминанту («верлибровые», «переходные», по определению А.Иващенко, пунктиры), другие воспринимаются как эскизы будущих произведений. Их объединяет умение «выйти за границы плоского живописания», придать локальной ситуации новое, философски емкое содержание¹:

Не вернецца воін,
вандроўнік не вернецца,
вернецца сейбіт...
Заўсёды
вяртаецца сейбіт².

Большинство же форм Рязанова в эстетическом плане неповторимы.

Зномы — философемы из одного абзаца на стыке поэзии и прозы, близкие к эссе как способу познания мира (например, такой, в переводе В.Козаровецкого: «Поэт — это не звание. Он не существует вне творчества. Он творит, но и сам свершается посредством творчества, он планирует, но и сам должен быть "запланирован" — должен быть вдохновлен, должен быть готов высказать то, что еще в незнании, в предселе. В творчестве знание и умение преодолеваются, царит нечто высшее. Некий животворный излишек, освобождающий поэзию от ремесла»).

Квантэмы — трёхстишия, выстроенные на труднопереводимой звукописи и сцеплении метафор, рассчитанные на диалог, сотворчество с читателем.

Вершаказы (от белорусских *верш* и *казаць* — *стихотворение* и *говорить*) — авторская форма, прочно вошедшая в контекст национальной литературы, отражающая стремление проникнуть в тайные значения слов, вынесенных в заглавие.

Среди *вершаказов* выделяются стихотворения, в которых перенос значения с одного слова на другое основан не только на звуковой близости (что в целом характерно для тропов), но и на принадлежности к языку, к менталитету того или иного народа. По словам В.Конона, поэт передает «символику менталитетов, зашифрованных в лексике»³. Например, «Беларуская зіма — зямля, усланая небам» перекликается с известной метафорой В.Короткевича «Беларусь — зямля пад белымі крыламі», а в стихотворении «Беларускі месяц перамяшчаецца па/ Нябесным скляпенні, шукаючы на ім сваё/ Ўстойлівае, сваё пастаяннае месца» доминируют мотивы неустойчивости, неукорененности, связанные с ментальностью белорусов.

К самобытным формам относятся «злёсы» (от белорусского «лёс» — судьба), «вершасловы» (от белорусского «верш» — стихотворение), «З» (русское — «Из») — вид художественного перевода, при котором автор средствами белорусского языка «пересоздает» идейно-философское содержание оригинала.

Алесь Рязанов — лауреат Государственной премии Республики Беларусь (1991) за книгу «Остриё стрелы», а также ряда европейских премий, в том числе Премии Гердера (2003). Его творческие достижения, эстетические инновации безусловно обогатили жанрово-стилевой диапазон белорусской литературы, но вместе с тем подвели ее к некому «пределу допустимого», показав, насколько лаконичной может быть форма, насыщенная философским содержанием. Тем самым Рязанов задал вектор развития поэзии постсоветского периода, проложив дорогу экспериментам А.Хадановича, В.Жибуля, В.Морт, М.Мартысевич и многих других.

С 1999 года поэта периодически приглашали в Швейцарию, Австрию, Германию (где он какое-то время жил и работал). В последние годы вернулся в Беларусь.

¹ Кабакович А.К. Беларускі свабодны верш. — Мінск, 1984. — С. 171.

² «Не вернётся воин,/ Странник не вернётся,/ Вернётся сеятель.../ Всегда возвращается сеятель...» (Подстрочный перевод.)

³ Конон У. Узыходжанне: [Аб творчасці А.Р.] / У. Конон. // Польша. — 1997. — №12. — С. 254.

Дмитрий Строчев

Один из ведущих русскоязычных поэтов Беларуси. Родился в 1963 году в Минске.

Авангардист, автор и исполнитель песен, координатор ряда культурных проектов: спектаклей «Монастырь» (Минск, 1989), «Времена года, или Галантные сцены» (Минск, 1990), «Убогие песни» (два CD и книга стихов в соавторстве с Еленой Фроловой; СПб., 2003), фестивалей «Изустное кино» (Минск, Копенгаген, Санкт-Петербург, 1988—1994), Международного фестиваля поэзии «Время и Место» (Минск 1995, 1996), Фестиваля голосового стиха (Москва, 2005, 2007, 2009). Активно занимается издательской деятельностью: основал издательство «Виноград», альманах и поэтическую серию «Минская школа», руководит литературно-издательским проектом «Новые Мехи». Кроме того, сотрудничает с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», как воцерковленный христианин и гражданин публично высказывает свою позицию по злободневным вопросам (30 октября 2011 года написал открытое письмо президенту Республики Беларусь с просьбой пересмотреть решение о смертной казни Владислава Ковалёва и Дмитрия Коновалова, 21 октября 2020 года был арестован на 13 суток за участие в мирных митингах в Минске).

На сегодняшний день изданы: «38: стихотворения и пьеса» (1990), «Виноград: стихи» (1997), «Лишние сутки: роман в стихах» (1999), «Остров Це» (2002), «850 строк» (2007), «Бутылки света» (2009), «Газета» (2012), «Шаг» (2016), «Туда и обратно» (2020).

Экстраординарный, смелый, обаятельный, Дмитрий Строчев представляет минский культурный андеграунд с конца 1980-х. Он входил в окружение легендарного диссидента, философа, культуролога Кима Хадеева, был участником арт-группы «Белорусский Климат».

В начале творческого пути его поиски органично влились в «проторенное» буйное русло традиции русского авангарда (прежде всего В.Хлебникова, обэриутов), опирались на опыт непосредственных предшественников — московских концептуалистов конца 1970-х с их «философской поэтикой» (А.Монастырский), специфическим языком, призванным заместить фиктивную реальность, игравшим с пустотой. Все это модифицировалось поэтом с учетом новых социальных настроений — атмосферы раскрепощения, гласности, легализации нонконформизма, ставшей возможной на закате советской эпохи. Вот почему поэтический почерк раннего Строчева определяют перестроечный хронотоп, приоритет нерационального познания мира и творческого импульса, трагикомическое мироощущение с абсурдистскими акцентами и экзистенциальной клоунадой.

Эта грань его творческой индивидуальности ярче проявляется в ранних стихах, но в менее концентрированном виде сохраняется и впоследствии. Российский литературный критик Олег Дарк в предисловии к сборнику «Бутылки света» связал ее с «трагическими и бурлескными сценами», имея в виду оригинальную (в основе своей перформативную) манеру исполнения, соединившую декламацию стихов, пение, танец. Надежда Кохнович — с «новым языком ликования, заумью счастья, не сводимой к игре двойников-созвучий, кружащих повторов, ласковых глагольных рифм, по-прежнему непредсказуемой в любви»¹:

¹ Кохнович Н. А Бога все равно больше: о стихах Дмитрия Строчева // Литература. — 2017. — 2 января.

Отец и сын

я книгу книгу на столе оставлю для тебя
 я книгу книгу для тебя оставлю на сто лет
 она не бомба пистолет не бомба пистолет
 ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
 слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
 и сердце сердце разожгут слова слова слова
 и звери звери побегут в твои глаза глаза
 и реки реки потекут в твои края края
 они без края разольют твои моря моря
 а в сердце в сердце запоют сады сады сады
 ты только книгу не забудь и не забудь меня
 и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня
 <...>

Другая грань — интимная, философско-медитативная, очарованная тайной Бога, размышлением обо всем сущем, которое предстает в лирике Строцева субъектом одухотворенным, исполненным грандиозного замысла (прежде всего отметим сборник «Виноград»).

чаша полная света и яви
 тело жгущее в углой руке
 вот и лето лугами муравит
 вот и утка виляет в реке

как неожиданная встреча-разлука
 первопутком побежка с горы
 так стрела вырастает из лука
 и в надбровье глядит до поры

так луна на твоих наковальнях
 вероломно чеканит шелка
 так читают в берёзовых спальнях
 вероловы твои облака

так бежит дождевая улитка
 горячо по рыбацкой щеке
 так её дорогая улыбка
 оживает в твоей нищете

люди пели, а после стояли
 и дышали в пустые глаза
 их густые костры остывали
 и бежали от них небеса

вот и я не хочу торопиться
 мне страница — большая страна
 только хлебом сквозным укрепиться
 да из грозы пригубить вина

Осененная Духом материя, как и духовные поиски, напевно-исповедальная интонация, отсылают к русской религиозной поэзии с ее традицией «сердечного сокрушения», пророческим даром, обостренным чувством присутствия в мире зла. Видимо, отсюда — жесткое неприятие его локальных ипостасей, как социальной (подавления инаковости, узаконенного властного беззакония), так и повседневной («штампов ума, банальных мыслительных фигур, позволяющих повседневному злу существовать»¹). Противостоящие им нравственный императив и духовный поиск

¹ Горбунова А. Евангельская тьма (рецензия на книгу Д.Строцева «Шаг») // НЛЮ. — 2016. — № 3 (139).

Строцева (в отличие, например, от «теургического деяния» представителей «нового религиозного сознания» Серебряного века) действителен, предполагает практическую вовлеченность в процесс, то есть — поступок. Неслучайны название одной из последних на сегодняшний день книг: «Шаг» — и эпиграф к ней из философа Владимира Бибикина: «Шаг делается не в сторону от тесноты в позицию наблюдателя, а внутрь тяжести».

И в этом, и в последующих сборниках зло обретает конкретные очертания и становится осязаемым, подчеркнута реальным в стихотворениях, выстроенных как хроники, документальные свидетельства поправленного права человека на жизнь и свободу. Социально-критическое звучание стихов усилилось в цикле августа-сентября 2020 года, посвященном событиям в Беларуси¹:

иерархи
изнасилованные
милицейской дубинкой до разрыва матки
на таком семейном синодальном фото
из Окрестина

иерархи
смирненно укрывающие чёрные гематомы
в льющиеся шелка праздничных облачений

тихо сложившие перебитые кисти рук на коленях

единой глоткой
куда заколочена по рукоять милицейская дубинка
отечески возвещаете

нам

Телу Христову
Церкви, алчущей и жаждущей правды

покоритесь извергу и прекратите рыпаться,
чада
вы не понимаете, что делаете

мы
иерархи
в тонком сне и келейной молитве
видели яйца дракона, а это невероятно красиво

это ярче, чем свет
это крепче, чем смысл
это чище, чем совесть
это выше, чем Бог

и это уж точно намного дороже, чем боль

мы
Тело Христово
Церковь, плачущая и безутешная
отвечаем

вы потеряли голос и утратили облик
мы вас больше не слышим, не видим, не знаем
иерархи

(19.08.2020)

¹ Подробнее см.: *Хаданович А.* Беларусь опрокинута: поэтическая хроника Дмитрия Строцева [https://culture.pl/ru/article/belarus-oprokinuta-poeticheskaya-khronika-dmitriya-stroceva].

Произведения Дмитрия Строщева отмечены в России — «Русская премия» (2008), шорт-лист премии Андрея Белого (2009), премии «Московский счёт» (2010), Международной Волошинской премии (2010). Они переведены на белорусский, украинский, английский, иврит, итальянский, французский, словенский и шведский языки, включены в антологии «Освобождённый Улисс» (Москва, 2004), «Русские стихи 1950—2000» (Москва, 2010).

К безусловным заслугам поэта относится восстановление традиции художественного авангарда, насильственно прерванной на белорусской почве (его представители были физически уничтожены в 1930-х годах, а их эстетические достижения остались на обочине литературного процесса), что отчасти объясняет ориентир на русскую литературу. Кроме того, Дмитрий Строщев ввел в культурный обиход понятие «минская школа», объединяющее «творчество плеяды неформальных писателей 60—80-х гг. XX в., живших в Беларуси (в основном, в Минске), писавших на русском языке в силу своей принадлежности двум культурам — русской и белорусской — одновременно»¹. Произведения ее представителей открыты читателям благодаря издательским проектам Строщева.

Ольгерд Бахаревич

Белорусский писатель, переводчик, давший отечественной прозе новый импульс развития, что упрочило ее позиции на мировой литературной арене. Родился в 1975 году в Минске.

В середине 1990-х был лидером первой белорусской панк-группы «Провокация», участвовал в литературно-художественном движении «Бум-Бам-Лит». В русле его эстетической теории (полного творческого раскрепощения, «шизореализма» — определение Ю.Борисевича — установки на эпатаж) активно утверждал себя как поэт-авангардист, перформер. С начала 2000-х отдает предпочтение прозаическим жанрам. Дебютом стала повесть «Гюнтер Вольдгоф и его кредиторы» («Гюнтэр Вальдгоф і яго крэдытары»), опубликованная в альманахе «Калосьсе» (2001). За ней последовали около двух десятков книг, в числе которых сборник повестей и рассказов «Практическое пособие по сносу городов» («Практычны дапаможнік па руйнаваньні гарадоў», 2002), несколько сборников эссе, в частности, «Никакой жалости Ольгерду Б.» («Ніякай літасьці Альгерду Б.», 2014), книга non-fiction «Мои девяностые» («Мае дзевяностыя», 2018), романы «Сорока на виселице» («Сарока на шыбеніцы», 2009), «Шабаны. История одного исчезновения» («Шабаны. Гісторыя аднаго зьнікненьня», 2012), «Дети Алиндарки» («Дзеці Аліндаркі», 2014), «Белая муха, убийца мужчин» («Белая муха, забойца мужчын», 2015), «Собаки Европы» («Сабакі Эўропы», 2017), «Последняя книга пана А.» («Апошняя кніга пана А.», 2020).

Как переводчик создал белорусские версии произведений немецкоязычных авторов (Гауфа, братьев Гримм, Кафки, Энциенсбергера и др.), сотрудничает с журналом переводной литературы «ПрайдзіСвет».

С 2010 года участвует в проектах Радио Свобода: вел колонку «Малая Медицинская Энциклопедия Бахаревича» (в 2011 году вышла отдельной книгой), цикл передач «Гамбургский счет Бахаревича» (в 2012-м воплотились в книгу эссе), авторские проекты «Календарь Бахаревича» (2013), «Чудеса и диковины Беларуси» (2014). Сотрудничал с чешским журналом HOST, вел колонки на сайтах 34mag, «Министерство контркультуры», budzma.org (в рамках общественно-культурной кампании «Будем белорусами»). Выступал с публичными лекциями (курс «Мастерство прозы»

¹ «Минская школа» на рубеже XX — XXI вв.: Хрестоматия для студентов-филологов. — Минск, 2007. — С. 5.

в Белорусском колледжуме, Литературный клуб Ольгерда Бахареви́ча в Минске, 1917—2018 гг.).

Произведения Бахареви́ча сосредоточены на самоощущении современного человека с его эгоцентричным сознанием, маргинальностью социальной и экзистенциальной. Как правило, герой поставлен в ситуацию бездомности, творческого кризиса, утрачивает внутреннюю целостность или имеет психологическую патологию, что отражает глобальную неукорененность в бытии, осмысленную как основополагающая черта национального архетипа. Не случайно художественное время-пространство (в том числе миф о Минске, сквозной в творчестве писателя) подано как аномалия, периферия, а сюжет выстроен на парадоксе, недосказанности и предполагает различные трактовки. В романе «Сорока на виселице» — это близкие формуле детектива ретроспективно, с физиологическими подробностями воссозданные обстоятельства убийства героини. В романе «Дети Алиндарки» — приключения героев, узников экспериментального концлагеря для «неправильных» белорусскоговорящих детей. Нашумевший 900-страничный (в белорусской версии) роман «Собаки Европы» состоит из шести новелл, объединенных проблемой свободы, а также системой персонажей, пространственно-временными связями, символами-лейтмотивами (книга, перо, камень и др.)¹.

Пожалуй, главная особенность прозы Бахареви́ча — изобретательная стиливая эквилибристика, его языковая палитра красочна и разнообразна (например, в авторском переводе «Собак Европы» русский литературный язык сочетается с конлангом бальбута, трясанкой — русско-белорусским просторечием, беларускай мовай, английскими, немецкими словами, а лаконичная проза — со стихами и звукописью). Произведениям Бахареви́ча присущи нелинейный сюжет с ретроспективной композицией («Сорока на виселице») или ризоматичным сплетением сюжетных линий (кроме упомянутых «Собак Европы», композиция которых, несмотря на мнимую эклектику, обладает целостностью, укажу «Последнюю книгу пана А.», где новеллы скреплены при помощи обрамляющего рассказа о писателе, который начал сочинять сказки, чтобы заплатить долг, а закончил на фоне агонии цивилизации; кстати, в этой книге впервые в белорусской литературе упомянут коронавирус). Следует выделить и занимательность интриги, тяготение к сказке и антиутопии (их черты совмещает, в частности, роман «Дети Алиндарки», отсылающий к поэме классика белорусской литературы Ф. Богусевича «Плохо будет» («Кепска будзе»), переосмысленной в экзистенциальном ключе как утверждение активности героев в выборе своей судьбы), не прямые рецепции европейской литературы (Гофман, Кафка, Джойс, Пруст, Флобер, Золя), отчасти — американской (Брэдбери), русской (Достоевский, Набоков), нац-арт (деконструкция национальной идеи в ее романтизированном варианте), рефлексия о феномене творчества, перспективах отечественной литературы, месте гуманитарного знания в техногенном мире.

Произведения Ольгерда Бахареви́ча переведены на английский, немецкий, французский и другие языки. На русском в 2019 году в московском издательстве «Время» вышел роман «Собаки Европы» (в переводе автора).

Две книги получили сценическое прочтение: Театр им. Янки Купалы поставил спектакль «Шабаны» (реж. Е. Ганум, 2015), Белорусский свободный театр — «Собаки Европы» (реж. Н. Халезин, 2020).

Писатель дважды получал национальную премию «Книга года» (2014, 2018), был лауреатом премий «Гліняны Вялес», «Залатая літара», премии Ежи Гедройца (в 2012, 2013, 2016, 2018 годах — II премия, в 2014-м — III премия), а также финалистом российской премии «Большая книга» (2019) — за русскую версию «Собак Европы».

¹ Подробнее о романе «Собаки Европы» см. рецензии А. Мягкова (<https://godliterature.ru/projects/knizhnoe-staroobryadchestvo-sobaki-ev>) и Е. Лепишевой (https://godliterature.ru/public-post/ne-grozi-chuzhomu-ne-centru?fbclid=IwAR3qnfq5lbaqcU5_h5PApRQK1faQ_vorodFZgK4cBJ8RGy8u8e23kNKx8) на портале «Год Литературы».

Обширный фрагмент романа «Собаки Европы» был опубликован в «ДН» (2019, № 3).

Активно участвует в литературных фестивалях в Беларуси и за рубежом (в частности, представлял Беларусь на Европейской писательской конференции в Берлине в 2015 году).

В 2007—2013 годах жил в Гамбурге, в настоящее время живет в Минске.

Змитер Вишнёв

Белорусский писатель, литературный критик, художник, перформер. Родился в 1973 году в Дебрецене (Венгрия).

Яркий представитель поставангардизма, реформатор и активный популяризатор белорусской литературы (руководит частным издательством «Голиафы», координирует ряд культурных событий в Беларуси и за рубежом). Был одним из основателей литературно-художественного движения «Бум-Бам-Лит» (1995) и его более поздних модификаций «Schmerzwerk», «Второй фронт искусств» («Другі фронт мастацтваў»). В духе постконцептуализма создал *друкописы* (от бел. «друк» — печать) — рукописные книги поэзии с иллюстрациями «Африканские мотивы», «Клёкатамус» (обе — 1995). Диффузия жанров художественной литературы и публицистики воплотилась в книгах «Тамбурный москит» (2001), «Верификация рождения» (2005) — первых в Беларуси опытах металитературы, включающих сюрреалистические рассказы, non-fiction, эссе, рецензии, репродукции картин, фотоматериалы. Изданы книги поэзии: «Шорох жуков» («Шоргат жукоў», 2011), «Спитые баркасы» («Спітыя баркасы», 2014) и прозы: «Трап для суслика, или Некрофиличное исследование одного вида грызунов» («Трап для сусліка, альбо Некрафілічнае дасьледаваньне аднаго віду грызуноў», 2002) с авторским подзаголовком «роман без парохода и самолёта», «Ich sitze im Koffer» (на немецком, 2006), «Фараон в зоопарке» («Фараон у запарку», 2007), «Замок, построенный из крапивы» («Замак, пабудаваны з крапівы», 2008), «антироман» «Если присмотреться — Марс синий» («Калі прыгледзецца — Марс сіні», 2018).

Змитер Вишнёв — один из первопроходцев белорусского перформанса: основал группу «Спецбригада африканских братьев» («Спецбрыгада афрыканскіх братоў», 1999—2015), в которую в разные годы входили, помимо него, «столпы» «Бум-Бам-Лита» В.Жибуль, С.Минкевич, а также писатель О.Бахаревич, художники, представители минского культурного андеграунда З.Юркевич (Митрич), В.Банько (Банкер; Ярило Пшеничный) и др. На фоне немногочисленных перформер-групп Беларуси (наиболее яркая — известный за рубежом «Театр психологической нестабильности» («Тэатр псіхічнае неўраўнаважанасці») под руководством И.Сина), коллектив Вишнёва выделяет африканская тематика (основной концепт — «Беларусь — банановая республика»), веселая клоунада, синтез ритуала и шоу, например, в перформансе «Культ личности» (1999) травестировался похоронный ритуал: Вишнёва обмазали тестом для мумификации и заколотили в сосновый гроб, который артисты пронесли по центру Минска, что символизировало как «смерть автора», так и надежду на исход диктатуры политической). В качестве реквизита использовались также кирпичи, сырое мясо, рыба, яйца, шампанское, кефир, сметана, кетчуп... Большинство выступлений имело политический или остросоциальный подтекст, отличалось оригинальной сценической подачей, благодаря чему получили международное признание на фестивалях в России, Польше, Латвии, Германии, Финляндии, Швеции.

«Творчество Вишнёва в целом дает адекватный образ белорусской реальности, преломляет настроения, распространенные в национально-ориентированной среде, резонирует с движением мировой литературы», — писала известный литературовед И.Скоропанова¹. В поэзии это выразилось в увлечении морской тематикой, стихией путешествия, экзотическим африканским колоритом (что заставляет вспомнить

¹ *Скоропанова И.* Друкапісы Зміцера Вішнёва // Беларускае літаратуразнаўства. — Вып. 10. — Мінск, 2012. — С. 91—102. (в электронной библиотеке БГУ: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/41974>).

Гумилёва), в дерзком утверждении поэтического «я» в духе Маяковского, в виртуозной игре со словом на уровне семантики и фонетики, в ассоциативной метафоричности, провоцирующей читателя на сотворчество. Силой собственного воображения он должен создать фантастический пейзаж, пока автор слушает «грохот поездных зубов» и «булькает о свободе» (сб. «Спитые баркасы»).

Провокативный концептуализм нашел реализацию и в прозе, которой Змитер Вишнёв отдаёт все большее предпочтение. Его тексты нацелены на «внешний энергетический взрыв» (Е.Тырышкина) — заинтригованность или даже шок читателя, призванные высвободить подсознательные импульсы, разрушить национальный миф о конформизме и пассивности белорусов. Культ творческого раскрепощения предопределил выбор сюжетов. Роман «Трап для суслика...», выстроенный на литературной и социальной рефлексии, — это сюрреалистическое повествование о знаковых событиях собственной творческой биографии автора, писателях-современниках (чьи образы утрированы до симулякров), «сусликах» — фантомах, персонифицирующих социальную мимикрию. В «Замке, построенном из крапивы» воссоздается раздвоение личности (логически вытекающее из хитроплетения системы персонажей), которое разворачивается на фоне релятивной атмосферы художественного дома «Тахелес», напоминающего полуразрушенный средневековый замок или дикорастущее колючее растение в центре Берлина.

«Антироман» «Если присмотреться — Марс синий» исследует предельно искажённое подсознание современного белоруса. На главную идею текста работает его дискретная структура: здесь и децентрализация персонажей (среди которых фантомы, симулякры, многочисленные alter ego нарратора), и разрушение сюжета, напоминающего мозаику, и стилизованный коллаж с переходами к ритмированной прозе и обозначением различных нарративов специальными шрифтами. Выбранное автором жанровое определение подчеркивает ориентир на традицию европейского модернизма с его потоком сознания, сюрреалистической образностью.

Очевидна неконвенциональность авторской стратегии, нацеленной на последовательное разрушение горизонта читательских ожиданий. Известный белорусский философ, культуролог, «крестный отец» «Бум-Бам-Літа» В.Акудович пишет, что такая стратегия, с одной стороны, органична творческой экзистенции писателя, с другой — опирается «на традицию негативно-конструктивистского поэтического течения, так плодотворно начавшегося когда-то “дадаистами”, а сегодня доминирующего во всей европейской литературе»¹. Конечно же, это рассчитано на сотворчество, включенность читателя в конструирование художественного универсума.

Произведения Змитера Вишнёва переведены более чем на 20 языков. Писатель — стипендиат Literarisches Colloquium (Берлин, 2006), *Nomines Urbani* (Краков, 2008), участник международных литературных форумов и конгрессов.

Наста Кудасова

Белорусская поэтесса, которой удалось придать отечественной «женской» лирике новое звучание, найти нетипичный подход к женской идентичности, опровергнув стереотипные представления о пассивности и пассивности белорусок. Родилась в 1984 году в Рогачёве (Гомельская область Беларуси). Первые публикации относятся к 1999 году (белорусская периодика: «Наша Ніва», «Літаратурная Беларусь», «Дзеяслоў», «Маладосць», «Верасень» и др.). На сегодняшний день изданы книги поэзии «Лісьця моіх рук» («Лісьце маіх рук», 2006), «Рыбы» (2013), «Моё невымаўля» («Маё невымаўля»,

¹ Акудовіч В. Верашчака з яйкаў Клккатамуса // Вішнёў З. Тамбурны маскіт. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 253.

2016), многие произведения публикуются в альманахах («Скрыпторый», «Літаратурны квартал») и коллективных сборниках («Она и я» («Яна і я»)). Принимает участие в медийных проектах Радио Свобода (аудиосборник стихотворений «Ночные чтения» («Начная чытанка», 2007), видеоролики «Літараторы на карантине» («Літаратары на каранціне», 2020), на портале haroshak.by — «Ноги в руки» («Ногі ў рукі», 2018) о достопримечательностях и известных людях Беларуси, «Три вопроса» («Тры пытанні», 2018)), в авторской программе на госТВ писателя Н.Гальперовича «Собеседники» («Суразмоўцы», 2019).

За ярким поэтическим дебютом в 2006 году, ознаменованным темами неприметной провинции, родной природы, поиском самости через единение с ними (сборник «Лістыя моих рук»), последовало восьмилетнее молчание, прервав которое, Наста предстала перед читателем со стихами остро драматичного звучания, преломляющими перипетии частной жизни (переезд в Санкт-Петербург и разочарованное возвращение, рождение детей, распад семьи) в ощущение тотального беспокойства и неустроенности «я-в-мире».

Лирическая героиня более зрелых поэтических книг — женщина сложной судьбы, явленной через меткие бытовые детали (чужой дом, открытое окно и другие «вещественные» улики переживаний), метасюжет (расставание, тайная встреча, нервный срыв), придающие циклам концептуальную завершенность.

бо такія жывуць насамрэч толькі там, дзе тонка.
ну, а ўсё, што рвецца,
я складаю рупліва ў рукаў.
і пакуль мяне ненавідзяць чужыя жонкі,
я ўспываю між вамі штодня паплаўком радка.
я кажу, вось — вецер.
кажу, вось — хлеб, а вось — дотык.
я кажу, вось самоты пражэрлівыя смаўжы.
гэта Бог, я кажу, прайграе па нябачных нотах
нас усіх.
а яшчэ я кажу табе —
лепш бяжы!
бо такія жывуць насамрэч толькі там, дзе тонка,
каб усё, што рвецца,
струной
стала ў горле начэй.
і пакуль дзесьці спяць сном ружовым мужы і жонкі,
я кажу — цячы, рака!
і рака цячэ.

(2018)

Предельное эмоциональное напряжение (сама Кудасова определяет это состояние так: «автора порвало на куски»¹) вызвано «роковым» любовным чувством, сквозь призму которого лирическая героиня воспринимает мир. Это отсылает к традициям русской литературы: городскому жестокому романсу, поэзии Марины Цветаевой. Вместе с тем интуитивный поиск опоры в «своем», «родном» пространстве (пейзаже, трагических страницах истории Беларуси, городе Рогачёве — одном из ключевых топосов) делают ее поэзию явлением глубоко национальным:

Сівому туману вычэсвай густую поўсць,
пакуль захліпаецца вечар самой воўчай.
Я ведаю: тут у кожнага хтосьці ёсць,
каб грэць у далонях далонь і ўглядацца ў вочы.

¹ Наста Кудасова: «Усе мы панаехаўшыя» [http://haroshak.by/наста-кудасова-усе-мы-панаехаўшыя/?fbclid=IwAR3e6WiGiZVVZLA4LGENgVcaаEрхТМqG PphzKCwyIгVA4bNcFbEcAUZrXcE].

Не мой жа, такіх у шчаслівыя не бяруць,
ты — цень ад крыла, ты не варгы нічога, нічога!
Але ёсць дарога дамоў, ёсць Дняпро і Друць,
Ёсць пацэрка поўні ў блакітнай руцэ Рагачова...

І можна яшчэ басанож увайсці ў лугі,
пяшчоту запхнуўшы глыбей, каб не рвала скуру.
Ды слухаць, як лета пяе свой адвечны гімн
І верыць сабе, не зважаючы на партытуру¹.

(2019)

Неповторимость художественного почерка проявляется в словотворчестве (например, название сборника «Маё невымаўля» — авторский неологизм, совмещающий фонетику и семантику белорусского «немаўля» (ребенок, который еще не умеет разговаривать) и «не вымавіць» (невозможность сказать, т.е. выразить невыразимое); или же тропы «без-цябе-вуліца», «час-ніколі», «беласлёзы сад» etc.), также в обращении в более поздних стихах к трехсложным размерам. Это привносит в новейшую белорусскую поэзию мелодику Серебряного века с его надрывной напевностью, «ускользающей» рифмой — «защепками» за остов культуры в мире с зыбкими мировоззренческими ориентирами и погранными ценностями.

Квинтэссенцией этих поисков становятся стихотворения, посвященные социальным катаклизмам в Беларуси-2020, в которых близкая поэтам начала XX века форма сочетается с переосмыслением традиционных христианских мотивов «смирение», «жертвенность» в контексте новых реалий — нарушения прав человека, произвола власти:

Пакроў

(*ахвярую Лізе Строчавай*²)

Дарагая нябесная маці, прыйдзі, святая,
расцялі над гэтай цемраю свой пакроў...
Мы раней так любілі восень,
цяпер — змятаем
замест рыжага лісця
з ходнікаў
свежую кроў.
Дарагая, пачуй! Мо ты ведаеш, дзе згубіўся
той, хто нам абяцаўся: “Мне помста, і Я аддам”?
Хай працнецца ўжо, хай зірне з крышталёвае высі
ў растаптанья твары
зямных беларускіх мам.
Дарагая, нябесная, вось мы —
крычым, жывыя!
Расцялі ж нам пакроў, заступіся за нашых дзяцей!
Ноч стаіць за плячом,
ноч бядой у патыліцу вые,
дворнік раніцай свежы адчай па асфальце мяце...

(14.10.2020)

¹ Это стихотворение вошло в большую подборку переводов Насты Кудасовой на русский язык, опубликованную в февральском номере «ДН» за 2021 год.

² Белорусская поэтесса, племянница известного русскоязычного поэта Дмитрия Строчева. В течение нескольких дней не могла добиться информации о местонахождении своего мужа — поэта, музыканта, культуролога Романа Абрамчука — после задержания.

Стихотворения Насты Кудасовой переводились на русский, украинский, болгарский, английский языки. Поэтесса получила премию одного из ведущих белорусских журналов «Дзеяслоў» (номинация «Дебют», 2003), премию Белорусского ПЕН-центра «Книга года» (за сборник «Маё невымаўля», 2016), премию «Прозрачный Эол» («Празрысты Эол», номинация «Лучшая поэтическая публикация года», 2018), вошла в состав жюри поэтической премии Н.Арсеньевой (2018), стала стипендиатом фонда им. Магдалены Радзивилл Союза белорусских писателей — для писательниц и переводчиц (2018), лауреатом поэтического фестиваля В.Короткевича (2019).

Живет в г. Рогачёве, пишет стихи, занимается воспитанием сына Егора и дочери Марии.

Виктор Мартинович

Белорусский писатель, публицист, искусствовед, преподаватель ЕГУ (Европейского гуманитарного университета, Вильнюс). Родился в 1977 в г. Ошмяны (Гродненская область Беларуси).

Вхождение в литературную среду (к ее «бомонду», по собственному признанию, Мартинович не чувствует себя причастным¹) начал как ученый: написал кандидатскую диссертацию на тему «Витебский авангард (1918—1922): социокультурный контекст и художественная критика», защитить которую оказалось возможно не в Беларуси, а в Литве (в 2008 году в Вильнюсской академии искусств получил степень доктора философии, PhD). Первое художественное произведение — роман «Паранойя» — вышел по-русски (2009), но был фактически запрещен (впоследствии переведен и издан в США, Германии, Финляндии). С 2011 года Мартинович утверждает себя как писатель-билингв: в этом году выходит его первый роман на белорусском языке «Студёный юг» («Сьцюдзёны вырай») — новаторский для Беларуси проект сепаратуры, представленный в виде интернет-релиза, а в 2013-м — роман «Сфагнум», в электронной версии — по-русски и в печатной — по-белорусски. Самое известное на сегодняшний день произведение — роман-антиутопия «Мова» (2014), изданный в белорусском оригинале, а также по-русски (русская версия выложена на сайте <https://34mag.net/post/mova>). Кроме того, вышли монография В.Мартиновича «Родина. Марк Шагал в Витебске» («Радзіма. Марк Шагал у Віцебску», 2015), романы «Озеро радости» («Возера радасьці», 2016), «Ночь» («Ноч», 2018)², «Революция» («Рэвалюцыя», 2020) в белорусском переводе В.Рыжкова (анонсирован выход романа на русском и на немецком).

Активно выступает как публицист — популяризатор белорусского языка и культуры, автор эссе о путях развития литературы и национальной ментальности, о «болевых точках» поствыборной Беларуси на порталах budzma.by, Радио Свобода, «Наша Ніва» и др.

«Мы все — люди без Родины. Потому что Родина — это место, где все делается ради тебя»³ — так можно было бы сформулировать квинтэссенцию идейно-эстетических поисков В.Мартиновича. Сосредоточенный на проблеме национальной идентичности, вытеснении человека на периферию социума (и шире — онтологии), творческой самореализации в тоталитарной системе с ее «канцелярской» идеологией и прессингом инаковости, писатель придает этому комплексу идей различное жанровое обрамление.

¹ См. интервью проекту «Морква» журналистки Кати Морковской: https://www.youtube.com/watch?v=9CgHStKn_rk.

² О романе Виктора Мартиновича «Ночь» подробно писала в «ДН» Ольга Балла (2019, №10).

³ *Марціновіч В.* Народ без радзімы // Наша Ніва. — 2018. — 9 октября [https://nashaniva.by/?c=ar&i=217307].

Монография о Марке Шагале стала результатом напряженного 15-летнего исследования Витебской художественной школы, всестороннего анализа архивного материала о «витебском» периоде жизни и творчества (1914—1915 гг., 1918—1920 гг.) одного из самых знаменитых уроженцев Беларуси, который почти всю жизнь провел в эмиграции. Центральный вопрос книги: почему шедевры, заслужившие мировое признание, проникнутые белорусскими мотивами, не были поняты и приняты соотечественниками при жизни художника?

23 сентября 2014 года в знаковом для писателя Витебске состоялась презентация романа «Мова», изданного рекордным для тогдашней белорусской литературы тиражом 1000 экземпляров. По мнению автора, он создан в жанре «языкового боевика», чтобы осмыслить ситуацию номинального двуязычия в Беларуси в «категориях научной фантастики»¹. Отнести книгу к условно-фантастическому направлению в современной литературе (с его «нетривиальными» моделями мира и человека), а жанр — к инварианту романа-антиутопии позволяют особенности поэтики.

Сюжет выстроен на фантастической ситуации — использовании «мовы» (белорусского языка) в качестве запрещенного наркотика из класса «несубстанциальных психотропов», экзотичного для Беларуси-2044 (или 4741 года по китайскому календарю, когда страна стала частью союзного российско-китайского государства). Приключенческие и детективные линии сюжета, а также совмещение двух нарративов («барыги» и «мовнаркота»), реального и фантастического времени-пространства (в описаниях «обедневшей мультикультурной Европы», Минска — провинции сверхдержавы и др.), несмотря на идеализацию «примитивных» образцов белорусской лирики, «женский глянец» (К.Рускевич), отсылают к «памяти жанра» антиутопии (прежде всего к научно-фантастической: Р.Брэдбери, О.Хаксли, Ф.Герберта). Важно и то, что «Мова» органично вписывается в ряд антиутопий белорусских писателей (повесть «Последняя пастораль» А.Адамовича, повесть «КарABELь» и романа «Потерянное счастье» В.Гигевича, роман «Собаки Европы» О.Бахаревича). Налицо особое место жанра в модернистской парадигме (доминирующей, наряду с реалистической, в белорусской прозе XX — начала XXI века²), что свидетельствует об «экзистенциальном типе художественного сознания» (В.Заманская) в его национальной версии.

Условно-фантастические элементы ощутимы так же в романе «Ночь», раскрывающем их социальный аспект (избавление от гаджетов как «возвращение времени»). Еще более острое социальное звучание имеет роман «Революция», показывающий самоутверждение эмигранта-белоруса в Москве середины 2000-х как подсознательную готовность к подчинению неограниченной власти, вовлеченность в «теорию заговора». Несмотря на актуальность заявленной проблемы, некоторые критики отметили «несвоевременность» книги, не способной вызвать отклик у читателя, поскольку ее выход (после двенадцатилетней работы автора) совпал с революционными событиями в Беларуси, ознаменовавшими новый исторический контекст³.

Произведения Виктора Марциновича переведены на русский, английский, немецкий, финский языки, включены в зарубежные антологии (повесть «Табу» опубликована на английском в сборнике «Best European Fiction-2011», сост. А.Хемон),

¹ Віктар Марціновіч пра раман «Мова» // tut.by (24.09.2014): <https://news.tut.by/culture/416776.html>.

² См. Крикливец Е.В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект [монография]. — Витебск, 2020.

³ Віктар Марціновіч выдаў новы раман «Рэвалюцыя». Кніжны агляд Onliner: <https://people.onliner.by/2020/10/16/viktar-marcinovich-vydaŭ-novy-raman-revalyucyya-knizhny-aglyad-onliner>.

отмечены литературными премиями: «Студёный юг» — премией «Дебют» им. М.Богдановича (2012), «Стагнум» вошел в длинный список российской премии «Национальный бестселлер» (2013). Кроме того, писатель стал призером Европейского общества научной фантастики (2014).

Режиссер А.Полуян в 2019 году создал по мотивам романа Виктора Мартиновича «Озеро радости» одноименный художественный фильм.

Писатель живет в Минске и за рубежом, что связано с журналистской и преподавательской деятельностью.

Андрей Хаданович

Белорусский поэт, переводчик, литературовед, бард, соединивший интеллектуальный и жанрово-стилевой багаж «высокой» литературы с «низовой», «массовой» культурой, андеграундом, рэпом, роком, бардовской песней, обогатив отечественную лирику. Родился в 1973 году в Минске. Первая книга стихов «Лісты з-пад ковдри» вышла в украинском переводе (Киев, 2002). Активно публикуется в отечественной периодике («Arche», «Дзеяслоў», «Наша Ніва») и за рубежом (например, в Польше вышел сборник «Świktą Nowego Rocku» (Wrocław, 2006), на Украине — сборник «From Belarus with Love» (Киев, 2006), стихи для детей «Нататкі таткі» (Киев, 2011)). В Беларуси изданы поэтические сборники «Старые стихи» («Старыя вершы», 2003), «Письма из-под покрывала» («Лісты з-пад коўдры», 2004), «Земляки, или Белорусские лимерики» («Землякі, альбо Беларускія лімэрыкі», 2005), «Сто лі100ў на tut.by» (2006), «Бэрлібры» (2008), «Несимметричные сны» («Несіметрычныя сны», 2010).

Андрей Хаданович — профессиональный переводчик: книга «Вместе с пылью» («Разам з пылам», 2013) — это коллекция стихов 41 автора, которые он переводил с латыни, французского, английского, немецкого, польского, украинского, русского языков в течение 15 лет. В 2012 году поэт познакомил белорусских читателей с французским романом Э.-Э.Шмитта «Евангелие от Пилата», а в 2016 году опубликовал книгу переводов Шарля Бодлера, отмеченную премией им. К. Шермана.

Кроме того, Хаданович представляет белорусскую поэзию и бардовскую песню на различных фестивалях (Беларусь, Польша, Украина и др.), координирует ряд культурных событий (например, вошел в состав жюри конкурса детского творчества в рамках проекта «День Земли. Беларусь» (2003, 2004, 2005). Все это совмещает с увлеченной педагогической работой: преподает в Белорусском гуманитарном лицее им. Якуба Коласа (с 2003 года учреждение существует нелегально), читает курс зарубежной литературы в БГУ, руководит «Мастерской переводчика» в Белорусском колледжуме, выступает с публичными лекциями.

По мнению белорусских исследователей, приход А.Хадановича в белорусскую литературу ознаменован новой литературной ситуацией, которую его поэзия вполне могла бы иллюстрировать. Концептуально-стилевым остовом стихов становится гипертекст мировой литературы с широким спектром эстетических решений, жанровых модификаций, переплетением различных традиций. Вот почему белорусский литератор С.Минскевич назвал поэзию Хадановича «утолением интеллектуальной жажды»¹.

В центре внимания поэта — темы любви, свободы, еды и питья, поданные в игровом, «эпикурейском» плане в противовес социальному регламенту всех сфер жизни. Лирический герой — хулиган-интеллектуал, за фиглярством которого — утверждение права на свободу самовыражения, от творческого до эротического:

¹ *Минскевіч С.* Ідэйнае пераўвасабленне міцкевічавай рамантычнай традыцыі ў беларускай паэзіі другой паловы 80-90 гг. XX ст. // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Вып. XVI. — Мінск, 2007. — С. 30.

Бармэн-сюіта

На тытунёвай фабрыцы жанчыны
 чатыры дні таму бяз дай прычыны
 абвесьцілі агульны лакі-страйк,
 і ў бары прыбыло слабога полу:
 ціхманы апускае вочы долу,
 затое для залётніка — кландайк!
 Наш бар — утульны, танны і спакойны:
 сусьветныя паскончваліся войны
 і не сваюляць зброяй землякі.
 А па-за тым, наш бар — на параплаве,
 і лярвы, не забітыя ў аблаве,
 бухаюць на сярэдзіне ракі. <...>

Бармен-сюіта

Работницам табачного завода
 четвёртый день, как не мила работа, —
 у них идёт всеобщий «лаки-страйк».
 И бар набит доверху слабым полом,
 и там, где кто-то кажет очи долу,
 для настоящих бабников — клондайк!

Наш бар — уютный, тихий и спокойный,
 отгрохотали мировые войны,
 с оружием не дружат земляки.
 Да и потом, наш бар — на пароходе,
 и шлюхи, что остались на свободе,
 бухают на излучине реки. <...>

(Перевод И.Белова)

Нарочитая несерьезность сочетается с интертекстуальностью, ставшей «визитной карточкой» Хадановича — одного из первых белорусских поэтов-постмодернистов. Оба начала вовлекают в «игру» читателя, поскольку в основе реинтерпретации чужого текста — деконструкция, пастиш, «прочтение» которых невозможно без сотворчества, рецептивной активности, будь то шутивная песенка «Ёжик-патриот» по мотивам «Yellow Submarine» The Beatles или литературоведческие термины, вкрапленные в стихотворения («Калыханка для малага літаратара», «Куртуазна-макабрычнае пасланьне» и др.).

Жанровый диапазон поэзии Андрея Хадановича очень широк. Особое место занимают *стихи-ремейки*, травестирующие философское наполнение и пафос звучания оригиналов. Код этого жанра присутствует в его поэзии, как правило, не в «рафинированном виде», а в вольной трактовке. Так возникают стихотворения «по мотивам»: «Варыяцыі на тэму Тэадора Крамэра», скажем, или «Як жадаеш Ты (зь Леанарда Коэна)» — они обозначены как «фантазіі ў манеры віктара жыбуля», или «Сьвята паэзіі» — «Па матывах Андрэя Радзьёнава», а в стихотворении «Сто пудоў адзіноты» обыгрываются название романа Маркеса «Сто лет одиночества», а также припев поп-хита Стиви Уандера (эпиграф), от романтического флера которого остается лишь словесный каркас («дождь», «ветер», «телефон...»), наполненный ироничным содержанием:

сто пудоў адзіноты

I just called to say I love you.

Stevie Wonder

сто пудоў адзіноты больш чым пацягне ліфт
за акном то зьліва то пролівень то залава
ходзяць думкі налева і ўлева схіляюць шрыфт
і пішу пачынаючы з рыфмаў справа налева

сеньня дзень і ноч пагадзіліся на нічыю
і ніякай нябеснай манны максимум манка
а назаўтра вечар з раніцы зуб даю
гэта восень будзе вільготнай як німфаманка

гэта восень будзе вільготнаю сто пудоў
нібы горла не прасыхацьме да небакраю
але будзь я нават нэграм пахілых гадоў
я вазьму тэлефон і скажу што цябе кахаю

сто пудов одиночества

I just called to say I love you.

Stevie Wonder

сто пудов одиночества не поместятся в лифт
за окном то дождь то ливень то вовсе уже макондо
ходят мысли налево и влево склоняют шриффт
и начинаю с рифмы всё остальное для понта

день нынче равен ночи типа игра вничью
манны небесной нет ну разве что манка
утром наступит вечер осень — я зуб даю —
будет сочиться влагой как нимфоманка

мокрая будет осень мокрая сто пудов
и не просохнет как горло и к февралю
но будь я даже негром преклонных годов
я возьму телефон и скажу что тебя люблю

(Перевод И.Белова)

Помимо очевидной иронии по отношению к чужому тексту, произведения Хадановича содержат заряд самоиронии — готовность посмотреть с юмором на самого себя и свои творческие амбиции, что «уравновешивает» антропологический и культурный скептицизм (например, самопародирование в стихотворении «Насыледаваньне Гарацаму»).

Следует выделить и гражданскую лирику — протестную, нонконформистскую, направленную против прессинга со стороны власти («Верш на свабоду», «Калядны рэп» и др.). В этом плане творчество Хадановича отчасти близко русской рок-поэзии конца 1980—1990-х (в том числе и ленинградскому року: Майк Науменко, Борис Гребенщиков, Александр Башлачёв, Виктор Цой). Существенное отличие в том, что, будучи частью субкультуры (с ее герметичностью, специфическим колоритом, ориентированными на конкретную аудиторию), в белорусском варианте «протестная» поэзия вбирает опыт «конспирации» молодежных неформальных объединений

(«Тутэйшыя», «Крыніца», «Узлёт», «Таварыства Вольных Літаратараў», к которому принадлежал Андрей Хаданович). Отсюда — сочетание аксиологии «свядомасці» (сознательный выбор национального, культурного, политического ориентиров) и типичных для рока стихии молодежного жаргона, англицизмов, топосов городского пространства.

Пожалуй, самый знаменитый «протестный» текст Андрея Хадановича — перевод польской песни Яцека Качмарского «Муры» («Разбуры турмы муры»), которая была исполнена им 19 декабря 2010 года на площади Независимости в Минске во время акции протеста против результатов президентских выборов и стала одним из революционных синглов в 2020-м.

Разбуры турмы муры!
Прагнеш свабоды — то бяры!
Мур хутка рухне, рухне, рухне —
І пахавае сьвет стары!

Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!

(Русский перевод польского оригинала А. Базилевского)

Стихотворения Андрея Хадановича переведены на два десятка языков, пользуются особой популярностью в Польше, Украине, Швеции. Поэт награжден отечественными и зарубежными премиями: «Золотой апостроф» от журнала «Дзеяслоў» (2007), «Кристалл Виленицы» на Международном литературном фестивале в Словении (2008). С 2008 по 2017 год возглавлял Белорусский ПЕН-центр.

Выбранные для обзора семь авторов — лишь малая часть панорамы современной белорусской литературы, все увереннее утверждающей себя за рубежом (в разных странах мира хорошо известны имена Светланы Алексиевич, Елены Поповой, Артура Клинова, Вальжины Морт, Марии Мартысевич и многих других писателей разных поколений). Хочется верить, что интерес к белорусской литературе, возникший на волне политических протестов 2020—2021 годов, не угаснет, дополнится международными культурными проектами, детальным исследованием русско-белорусских литературных взаимосвязей, и что во всем мире услышат наши голоса.